

DOI: 10.24412/2500-2872-2021-3-102-116

Феномен трансформации отношений Японии и стран Юго-Восточной Азии во второй половине XX – начале XXI в.: опыт для России

Е.В. Колдунова

Аннотация. В XX в. отношения Японии и стран Юго-Восточной Азии (ЮВА) пережили несколько драматических взлётов и падений. Япония была первой неевропейской страной, которая в конце 1930-х гг. выступила с идеей собственного регионального порядка для Азии. Последствия её реализации оказались болезненными, как для самой Японии, так и для её соседей. После поражения во Второй мировой войне частью политического и общественного сознания многих стран региона стала «историческая память» о Японии как о стране-агрессоре. Однако за вторую половину XX в. Японии удалось в корне изменить представление о себе в Юго-Восточной Азии и закрепиться в качестве одной из ведущих макрорегиональных держав. Это движение не было линейным. Тем не менее фактом остаётся безусловный успех Японии в преодолении негативного образа времен Второй мировой войны и её выход на позиции одной из наиболее приемлемых альтернативных сил в условиях обострения китайско-американских противоречий. Очередной виток активизации отношений Японии с Юго-Восточной Азией пришёлся как раз на период экспоненциального экономического роста Китая и был связан с развитием японской версии концепции Индо-Тихоокеанского региона (ИТР) как ответа на этот рост. Как доказывается в данной статье, успех Японии имел под собой несколько оснований. К ним стоит отнести переосмысление структурной роли Японии в регионе (от милитаристской силы, продвигавшей иерархический региональный порядок, к державе, экономически организующей развитие региона с опорой на сетевые типы связей), прогрессивная динамика институционального взаимодействия с АСЕАН и целенаправленное углубление сотрудничества в тех областях, где интересы Японии и стран региона совпадали в наибольшей степени или были существенно близки. Несмотря на то, что Россия едва ли может полностью повторить траекторию успеха развития отношений Японии с регионом, её отдельные элементы вполне заслуживают более пристального внимания.

Ключевые слова: Япония, Юго-Восточная Азия, США, Китай, АСЕАН, региональный порядок.

Автор: Колдунова Екатерина Валерьевна, кандидат политических наук, доцент, и.о. директора Центра АСЕАН, доцент кафедры востоковедения, МГИМО МИД России (адрес: 119454, Москва, пр-т Вернадского, 76). ORCID: 0000-0001-9973-9574; E-mail: e.koldunova@inno.mgimo.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности. Исследование выполнено за счёт гранта РНФ (грант No 19-18-00142).

Для цитирования: Колдунова Е.В. Феномен трансформации отношений Японии и стран Юго-Восточной Азии во второй половине XX – начале XXI в.: опыт для России // Японские исследования. 2021. № 3. С. 102–116. DOI: 10.24412/2500-2872-2021-3-102-116

Transformation of Japan's relations with Southeast Asia in the second half of the 20th – early 21st century: Russia, take note

E.V. Koldunova

Abstract. In the 20th century, relations between Japan and Southeast Asia experienced several dramatic ups and downs. Japan was the first non-European country that in the late 1930s presented its own vision of the regional order in Asia. The consequences of its realization proved to be painful both for Japan itself and for its neighbors. After the Japanese defeat in the World War II, the historical memory of Japan as an aggressor became a part and parcel of political and social consciousness of many states of the region. However, within the second part of the 20th century, Japan had managed to radically transform this perception in Southeast Asia, turning itself into a leading macro-regional power. This transformation did not come without difficulties but eventually resulted in a successful overcoming of the World War II legacy and made Japan one of the most welcomed alternative forces amidst the rising Sino-US contradictions. A new wave of proactive relations between Japan and Southeast Asia took place against the background of China's economic rise and was connected with the advancement of the Japanese version of the Indo-Pacific as a reaction to China's rise. This article argues that Japan's success in its relations with Southeast Asia had several reasons. The first one was the reassessment of the Japanese structural role in the region (from a militarist force pushing for a hierarchical regional order into a power which managed to organize regional development based on the network type of connections). Others included the progressive dynamics of institutional interaction with ASEAN and targeted cooperation in the areas where Japanese interests coincided or were significantly close to the interests of Southeast Asian states. Despite the fact that Russia can hardly repeat Japanese success in developing its relations with Southeast Asia, certain elements of it are well worth taking note of.

Keywords: Japan, Southeast Asia, USA, China, ASEAN, regional order.

Author: Koldunova Ekaterina V., Ph.D. (Political Science), Acting Director, ASEAN Centre and Associate Professor, Department of Asian and African Studies, MGIMO University (address: 76, Vernadskogo Av., Moscow, 119454, Russian Federation). ORCID: 0000-0001-9973-9574; E-mail: e.koldunova@inno.mgimo.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

Acknowledgements. This work was supported by the Russian Science Foundation (Grant No. 19-18-00142).

For citation: Koldunova E.V. (2021). Fenomen transformatsii otnosheniy Yaponii i stran Yugo-Vostochnoy Azii vo vtoroy polovine XX – nachale XXI v.: opyt dlya Rossii [Transformation of Japan's relations with Southeast Asia in the second half of the 20th – early 21st century: Russia, take note]. *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 2021, 3, 102–116. (In Russian). DOI: 10.24412/2500-2872-2021-3-102-116

Введение

На протяжении XX в. отношения Японии и стран Юго-Восточной Азии пережили несколько драматических взлётов и падений. Япония была первой неевропейской страной, которая в конце 1930-х гг. выступила с идеей собственного регионального порядка для Азии, однако последствия её реализации оказались болезненными, как для самой Японии, так и для её соседей. После поражения во Второй мировой войне частью политического

и общественного сознания многих стран региона стала «историческая память» о Японии как о стране-агрессоре.

Закреплённый в конституции 1947 г. отказ Японии от войны как средства ведения внешней политики, успех «японского экономического чуда» в 1960-х гг. и вынос многих японских производств в Юго-Восточную Азию в 1980-е – 1990-е годы в корне изменили положение Японии в регионе. Однако Азиатский финансовый кризис 1997 г., ошутимо ударивший по экономике страны, привёл к новой деконструкции роли Японии, на этот раз – как ожидаемого экономического лидера в регионе. Очередной виток активизации отношений Японии с Юго-Восточной Азией пришёлся на период нахождения у власти премьер-министра Абэ Синдзо (2006–2007, 2012–2020) и был связан с развитием японской версии концепции Индо-Тихоокеанского региона.

Несмотря на нелинейный характер отношений Японии со странами ЮВА во второй половине XX в. фактом остаётся безусловный успех Японии в преодолении негативного образа времен Второй мировой войны и её выход на позиции одной из наиболее приемлемых альтернативных сил в условиях обострения китайско-американских противоречий. Страны ЮВА в отличие от КНР или Южной Кореи [Стрельцов 2020] сегодня существенно в меньшей степени готовы вспоминать о тёмных страницах прошлого в отношениях с Японией. Примечательно, что по оценкам сингапурского Института исследований Юго-Восточной Азии на протяжении 2019–2021 гг. Япония оставалась страной, которой среди всех основных внешних партнёров в АСЕАН доверяли больше всего и оценивали её действия по поддержанию мира и безопасности в регионе как наиболее правильные по сравнению с действиями других ведущих держав [Seas et al. 2021, p. 3; Tang et al. 2020, p. 3; Tang et al. 2019, p. 29].

В современной отечественной и зарубежной литературе содержится глубокий анализ различных исторических и современных аспектов взаимодействия Японии и Юго-Восточной Азии, а также институционального сотрудничества Японии и АСЕАН [Sudo 1992; Peng 2013; Стрельцов 2015; Lang 2020]. Многочисленные публикации посвящены истории развития отдельных аспектов этих отношений, экономической роли Японии в регионе, динамике предоставления официальной помощи развитию и другим направлениям [Katzenstein and Rouse 1993; Мищенко 2019; Hatch 2010]. Однако в исследовательской литературе пока что не нашёл комплексного отражения феномен столь фундаментальной трансформации роли Японии в ЮВА и её восприятия странами региона.

Как доказывается в данной статье, успех Японии базировался на нескольких факторах. К ним стоит отнести переосмысление структурной роли Японии в регионе (от милитаристской силы, продвигавшей иерархический региональный порядок, к державе, экономически организующей развитие региона с опорой на сетевые типы связей), прогрессивная динамика институционального взаимодействия с АСЕАН и целенаправленное углубление сотрудничества в тех областях, где интересы Японии и стран региона совпадали в наибольшей степени или были существенно близки.

В результате к концу первой четверти XXI в. в условиях обострения китайско-американских противоречий и особой актуализации для стран ЮВА проблемы выбора Япония, наряду с ЕС, уверенно заняла нишу наиболее предпочтительной «третьей силы». Несмотря на то, что Россия едва ли может полностью повторить траекторию успеха развития отношений Японии с регионом, её отдельные элементы вполне заслуживают более пристального внимания.

Исторический контекст трансформации роли Японии в регионе

Короткий период японского колониализма в Юго-Восточной Азии имел для региона несколько важных последствий. С одной стороны, он продемонстрировал, каким на самом деле мог бы быть региональный порядок, в роли единственной доминирующей силы которого выступала азиатская держава [Acharya 2012, p. 83]. С момента завершения Второй мировой войны подобная ситуация больше ни разу не повторялась, а любое возвращение к ней рассматривалось в регионе как крайне нежелательное. С другой стороны, действия японцев в Юго-Восточной Азии способствовали формированию и укреплению самосознания целого ряда национально-освободительных движений.

При более близком знакомстве с японским подходом к переформатированию регионального порядка возможные перспективы дальнейшего развития оказались для Юго-Восточной Азии не столь радужными, хотя до начала Второй мировой войны некоторые политические лидеры и среди них, в частности, тогдашний тайландский премьер-министр Плек Пхибунсонгкхрам, рассматривали Японию как модель для подражания¹. Другие, как, например, бирманский национальный лидер генерал Аун Сан [Won 1978, p. 249], возлагали надежды на Японию как на силу, которая сможет противостоять европейскому колониализму в Азии. Идея сферы сопроцветания в Великой Восточной Азии прошла в своем развитии несколько этапов [Мещеряков 2020, с. 259]. На конференции стран Великой Восточной Азии, состоявшейся в ноябре 1943 г. в Токио, единение «освобожденных» Японией народов демонстрировали участвовавшие в ней представители Маньчжоу-Го, Китая, Таиланда, Бирмы², Филиппин и Индии, а оккупированные индонезийские территории ещё до конференции было принято полагать вошедшими в состав японской империи [Мещеряков 2020, с. 261].

Основное же противоречие между ожиданиями в отношении Японии, которые питали народы Юго-Восточной Азии, и японскими устремлениями коренилось в том, что Япония выстраивала свои действия в регионе исходя из иерархического понимания гармонии азиатских народов. В этой системе координат Японии отводилась высшая роль, а подчинённые страны и народы должны были, во-первых, политически, экономически и культурно переориентироваться на Японию, а во-вторых, всем подконтрольным территориям определялись совершенно конкретные функциональные задачи. В Китае, Корее и Маньчжурии планировалось создать индустриальный комплекс, а страны Юго-Восточной Азии должны были стать поставщиками ресурсов [Booth 2007, p. 148].

Менее широко известным последствием действий Японии в регионе того периода стало наследие японской подготовки военно-бюрократических кадров стран Юго-Восточной Азии, по меткому выражению американской исследовательницы Джойс Лебра-Чапмэн, ставших впоследствии «действующими силами революции и модернизации» [Lebra-Charpman 2010, p. 2]. Придание официального статуса национальным языкам (в частности, бирманскому, малайскому и тагальскому) и поддержка формирования националистически настроенных

---

¹ Привлекательность японского образования и успехов экономического развития подспудно отражены в тайской классической литературе, в частности, в опубликованном в 1937 г. известном романе Кулапа Сайпрадита «За картиной», главный герой которого уезжает учиться в Японию.

² Здесь и далее название «Бирма» используется применительно к периоду до 1989 г., «Мьянма» – к периоду после этого года.

полувоенных молодёжных группировок, по сути, заложило основы организованной борьбы за независимость в целом ряде стран Юго-Восточной Азии [Booth 2007, p. 151] и стало парадоксальным итогом периода японской оккупации.

Восстановление региональной роли Японии, но уже на других основаниях, началось после успехов «японского экономического чуда», превратившего Японию во вторую экономику мира, и оформления в 1977 г. доктрины Фукуда. Параметры внешней политики Японии по отношению к Юго-Восточной Азии, сформулированные тогдашним премьер-министром Фукуда Такэо, заложили основы трансформации имиджа страны в регионе. Следует, однако, отметить, что всего лишь за несколько лет до провозглашения доктрины Фукуда, ставшей первой за послевоенную историю артикулированной японской внешнеполитической стратегией по отношению к Юго-Восточной Азии, в регионе сохранялась высокая степень недоверия к Японии. Антияпонские демонстрации сопровождали визиты премьер-министра Танака Какуэй в Таиланд, Индонезию, Малайзию, Сингапур и на Филиппины в январе 1974 г.³ Недовольство вызывала экономическая политика Японии в регионе, воспринимавшаяся как мирный инвариант японской военной экспансии времен Второй мировой войны, и опора Японии в своём экономическом продвижении в регионе на китайскую диаспору без каких-либо существенных вложений в развитие местного человеческого капитала [Lam 2013, p. 11].

Завершая своё турне по странам Юго-Восточной Азии в Маниле в августе 1977 г., Фукуда Такэо обозначил три принципа японской политики в регионе, вся совокупность которых затем стала обозначаться как доктрина Фукуда: 1) в отношениях с регионом Япония исходит из того, что она не будет возвращаться к статусу военной державы; 2) Япония будет выстраивать отношения со странами Юго-Восточной Азии на основе взаимного доверия и по самому широкому кругу вопросов; 3) Япония будет взаимодействовать как со странами, образовавшими АСЕАН, так и с государствами Индокитая⁴. Последний тезис подразумевал стремление Японии закрепить за собой роль моста между коммунистическими и капиталистическими странами региона. Несмотря на то, что полностью реализовать эту функцию Японии не удалось из-за сложного комплекса отношений между странами АСЕАН и Вьетнамом, сложившегося в результате возникновения и эволюции Камбоджийской проблемы в конце 1970-х – 1980-е гг., в данном стремлении отчётливо просматривалось зарождение сетевого подхода Японии к взаимодействию со странами ЮВА.

Основной акцент в практической реализации доктрины Фукуда был сделан на методах экономической дипломатии. Ещё с 1960-х гг. Япония осуществляла вынос простых сборочных производств в Юго-Восточную Азию. Однако ревальвация японской иены после соглашения Плаза 1985 г. привела к тому, что структурная роль Японии подверглась

---

³ Halloran R. Tanaka Sees Thai Students who Denounced his Visit// The New York Times. January 11, 1974. P. 2. <https://www.nytimes.com/1974/01/11/archives/tanaka-sees-thai-students-who-denounced-his-visit-assurances-are.html> (дата обращения: 25.08.2021); Diplomatic Bluebook for 1974. Review of Recent Developments in Japan's Foreign Relations. Tokyo: Public Information Bureau, Ministry of Foreign Affairs, 1974. <https://www.mofa.go.jp/policy/other/bluebook/1973/1973-3-1.htm#Section%201.%20Prime%20Minister%20Tanaka's%20Visits%20to%20Various%20Countries> (дата обращения: 25.08.2021).

⁴ Diplomatic Bluebook for 1977. Review of Recent Developments in Japan's Foreign Relations. Tokyo: Public Information Bureau, Ministry of Foreign Affairs, 1977. <https://www.mofa.go.jp/policy/other/bluebook/1977/1977-3-1.htm#Section%201.%20Promotion%20of%20Relations%20with%20Other%20Countries> (дата обращения: 25.08.2021).

радикальной трансформации. За период второй половины 1980-х гг. Япония превратилась в одного из крупнейших экспортёров капитала, а замедление темпов роста японской экономики в начале 1990-х гг. заставило японский бизнес искать пути повышения своей конкурентоспособности на мировом рынке за счёт выноса в Юго-Восточную Азию, на тот момент регион с дешёвой и относительно квалифицированной рабочей силой, более сложных производств автомобильного и электронного машиностроения. Американский исследователь Уолтер Хетч приводит следующую статистику: с 1962 по 1997 г. представители японского автопрома совершили 405 инвестиционных вложений в экономику Таиланда, Малайзии, Индонезии и Филиппин, но 55 % из них пришлись именно на период с 1991 по 1997 г. [Hatch 2010, p. 79]. Помимо выноса производств и инвестиционного сотрудничества Япония стала основным источником официальной помощи развитию (ОПР) странам региона. К 1997 г. 20 % японской ОПР направлялось в страны АСЕАН, при этом Индонезия была вторым крупнейшим получателем японской помощи (после Китая, занявшего эту позицию с началом проведения экономических реформ в конце 1970-х гг.), Таиланд – четвёртым, далее шли Филиппины и Вьетнам⁵.

Помимо того, что в указанный период Япония по сути выступила в качества драйвера индустриализации в большинстве стран-основательниц АСЕАН (к слову, благодаря японским автосборочным предприятиям в 1990-е гг. Таиланд даже получил неформальное прозвище «Восточного Детройта» [Lim 2017, p. 178]), она, решая задачи снижения издержек своего промышленного производства, стала одной из ключевых стран в организации региональной интеграции *de facto* [Hiratsuka 2006]. Подобным термином исследователи начали обозначать региональную систему экономической взаимозависимости, сложившуюся в регионе не в результате реализации целенаправленно спланированного интеграционного проекта (как это было, например, в рамках ЕС), а в ходе сегментированного выноса сборочных производств транснациональных компаний в различные страны Юго-Восточной Азии.

Таким образом, в 1980–1990-е гг. на смену военно-иерархическому подходу Японии к региону времен Второй мировой войны пришло политэкономическое сетевое взаимодействие, структурно закрепившее японские позиции в Юго-Восточной Азии на кардинально иных основаниях. Вместе с тем Азиатский финансовый кризис 1997 г. прервал восходящий тренд роста японского влияния в регионе. Испытав существенное негативное воздействие этого кризиса на собственную экономику, Япония не смогла оказать странам региона помощь в ожидаемых масштабах, тем самым девальвируя свои позиции очевидного макрорегионального экономического лидера.

Диалоговое партнёрство Японии и АСЕАН

Одновременно с двусторонним сотрудничеством с отдельными странами региона с 1970-х гг. Япония начала налаживать взаимодействие с АСЕАН. Неформальные контакты с Ассоциацией были установлены в 1973 г. и затем формализованы как отношения диалогового партнёрства в 1977 г. во время турне премьер-министра Фукуда по странам региона.

---

⁵ Relationship between Japan and ASEAN. Ministry of Foreign Affairs of Japan. December 1998. <https://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/asean/pmv9812/relation.html> (дата обращения: 25.08.2021).

Исследователи выделяют три периода в эволюции отношений Японии со странами АСЕАН [Lim 2017, pp. 177–183]. Первый пришёлся на конец 1970-х – 1980-е гг. и был связан в основном с ресурсной и экономической повесткой. В конце 1970-х гг. начал функционировать форум АСЕАН и Японии по вопросам производства синтетического каучука.

Второй период охватывает рубеж 1990-х и 2000-х гг. Он был важен для отношений Японии и АСЕАН по ряду причин. К этому времени относится принципиальный поворот в политике Японии в области безопасности, начавший реализовываться на практике в процессе мирного урегулирования ситуации в Камбодже. Принятый в 1992 г. Закон о международном сотрудничестве по обеспечению мира санкционировал участие военнослужащих японских Сил самообороны в операциях ООН по поддержанию мира [Панов и др. 2019, с. 305]. Помимо того, что Япония рассматривалась в качестве основного финансового спонсора восстановительного процесса, в 1993 г. восемь японских миротворцев были направлены в Камбоджу, где по итогам Парижского соглашения 1991 г. была сформирована переходная администрация ООН. Поскольку урегулирование ситуации в Камбодже было знаковым для становления АСЕАН в качестве регионального игрока, начало 1990-х гг. стало этапным и для сотрудничества Японии со странами Ассоциации. К этому времени обе стороны смогли наработать существенный опыт формального и неформального взаимодействия в ходе подготовки и проведения Токийской конференции в июне 1990 г., которая предшествовала Парижской международной конференции по Камбодже [Takeda 1998, pp. 553–568].

Процесс урегулирования в Камбодже был важен для Японии ещё и потому, что позволил ей, не афишируя свой подход открыто, постепенно наладить рабочие отношения со странами Индокитая, на тот момент ещё не являвшимися членами АСЕАН, а внутри Камбоджи – со всеми силами, вовлечёнными в политический процесс урегулирования⁶. Впоследствии такой же подход Япония старалась применить и в отношении Мьянмы, налаживая взаимодействие одновременно с несколькими сторонами внутреннего конфликта, не утихающего в этой стране и по сей день. После того, как Вьетнам в 1995 г., Лаос и Мьянма в 1997 г. и Камбоджа в 1999 г. присоединились к АСЕАН, Япония финансово поддержала ряд инициатив, направленных на адаптацию новых участников к интеграционным процессам в рамках Ассоциации [Shiraishi 2009].

В 2004 г. Япония присоединилась к Договору о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии и первой из всех диалоговых партнёров Ассоциации назначила своего постоянного представителя при АСЕАН⁷.

Знаковым событием для второго периода отношений Японии и АСЕАН стал уже упомянутый ранее Азиатский финансовый кризис. Если накануне кризиса Япония в основном взаимодействовала со странами АСЕАН в рамках созданных к тому моменту форматов диалогового партнёрства (министерские встречи, профильные группы старших должностных лиц и т.д.) и в одностороннем порядке выдвигала инициативы дальнейшей

---

⁶ Sek S. Reinvigorating Japan's Twin Track Diplomacy in Cambodia. April 8, 2019. <https://www.japantimes.co.jp/opinion/2019/04/08/commentary/japan-commentary/reinvigorating-japans-twin-track-diplomacy-cambodia/> (дата обращения: 25.08.2021).

⁷ Overview of ASEAN-Japan Dialogue Relations. June 14, 2021. https://asean.org/wp-content/uploads/20210614_Overview-ASEAN-Japan-Relations-full-version.pdf (дата обращения: 25.08.2021).

финансово-экономической макрорегиональной интеграции (в частности, создание Азиатского финансового фонда), то кризисная ситуация 1997 г. способствовала формированию нового многостороннего формата АСЕАН+3, подразумевавшего участие в нём Японии, КНР и Южной Кореи. Япония достаточно успешно инкорпорировалась в формат АСЕАН+3, одновременно, однако, утратив позиции перспективного безусловного экономического лидера всей Восточной Азии.

При этом экономический подъём Китая усилил элементы японо-китайской конкуренции в регионе и привёл к появлению феномена «сетевого регионализма» [Rathus 2011]. Его суть заключалась в последовательном возникновении целой серии проектов торгово-экономической либерализации в Восточной Азии, которые выдвигались Китаем и Японией в ответ на действия друг друга. К таковым можно отнести проект зоны свободной торговли (ЗСТ) АСЕАН+3, ответом на который стала ЗСТ АСЕАН и Китая, а впоследствии идея Всеобъемлющего регионального экономического партнёрства (ВРЭП), поддержанная Японией с целью не допустить одностороннего увеличения влияния Китая в регионе⁸.

Формат АСЕАН+3 стал структурообразующим для многих инициатив в области макрорегионального финансово-экономического управления и после кризиса 1997 г., и после глобального экономического кризиса 2008 г. В первую очередь к ним стоит отнести заложившее основу для создания регионального фонда валютных резервов соглашение министров финансов АСЕАН+3 о придании многостороннего характера Чиангмайской инициативе, ранее развивавшейся в основном как сеть двусторонних своповых соглашений. В 2010 г. соглашение вступило в силу. Региональный фонд объединил финансовые вклады всех участников формата АСЕАН+3 и на момент образования составил 120 млрд долл. США⁹. В 2011 г. был создан макроэкономический исследовательский офис (ASEAN+3 Macroeconomic Research Office, AMRO), к функциям которого были отнесены макроэкономический надзор, помощь в реализации Чиангмайской инициативы и техническая поддержка её участников. К 2021 г. размер фонда удвоился и составил 240 млрд долл. США¹⁰.

Именно в формате АСЕАН+3 оказалось возможным долгосрочное взаимодействие экономически поднимающегося Китая, Японии и Южной Кореи, в то время как их попытки самостоятельно продвинуться в деле экономической интеграции в Северо-Восточной Азии так и не увенчались успехом, несмотря на позитивные ожидания рубежа 2010–2020-х гг. [Суслина 2012]. В рамках самой Ассоциации в это время разворачивались неформальные дискуссии о желаемом соотношении сил внерегиональных держав в Юго-Восточной Азии и в качестве такового рассматривалось активное присутствие трёх стран – Китая, Японии и Индии. Их вовлечение на тот момент представлялось вполне достаточным набором для поддержания нужного баланса в регионе [Acharya 2001, p. 168].

Третий период отношений Японии и АСЕАН связан с изменением геополитической и геоэкономической ситуации в регионе в связи с выдвиганием Китая на позиции второй экономики мира после 2010 г. В результате своего быстрого экономического подъёма Китай

---

⁸ Kawashima S. Japan's Painful Choice on RCEP. The Diplomat. August 03, 2020. <https://thediplomat.com/2020/08/japans-painful-choice-on-rcep/> (дата обращения: 25.08.2021).

⁹ The Joint Ministerial Statement of the 13th ASEAN+3 Finance Minister's Meeting. May 2, 2010. https://aseanplusthree.asean.org/wp-content/uploads/2020/01/JMS_13th_AFMM3.pdf (дата обращения: 22.08.2021).

¹⁰ ASEAN+3 Macroeconomic Research Office. <https://www.amro-asia.org/about-amro/who-we-are/> (дата обращения: 25.08.2021).

перестал быть частью, используя образное выражение японского экономиста 1930-х гг. Канамаэ Акамацу, «строю летящих гусей», системы уже упомянутой ранее региональной *de facto* интеграции, которая обеспечивала процесс включения новых индустриализирующихся стран в орбиту японского технологического лидерства посредством выноса туда японских производств. Более того, уже в 2013 г. Китай выдвинул свою собственную регионально-организующую идею «Морского шёлкового пути» (как части инициативы «Пояс и путь») в отношении Юго-Восточной Азии. Формально никак не конкурируя с АСЕАН-центричными институтами, она, тем не менее, в процессе реализации на практике создавала совершенно иной региональный контекст, поскольку экономически переориентировала на Китай по крайней мере часть стран-членов АСЕАН (Лаос, Камбоджу, в некоторой степени Мьянму). В результате подъём Китая вынудил и Японию, и АСЕАН начать поиск стратегических ответов на новую ситуацию.

К третьему периоду относится также активизация диалогового партнёрства Японии и АСЕАН сразу по нескольким трекам – в области политики и безопасности, экономического и гуманитарного взаимодействия. К этому времени значимой сферой сотрудничества диалоговых партнёров стала область реагирования на новые угрозы безопасности (борьба с терроризмом и транснациональной преступностью, угрозами в сфере информационной безопасности, преступлениями на море).

На протяжении последних лет Япония стабильно занимала позиции ключевого экономического партнёра Ассоциации (второй крупнейший инвестор и четвёртый торговый партнёр АСЕАН по состоянию на 2019 г.) и активно развивала гуманитарные связи со странами Юго-Восточной Азии. В этом плане необходимо особо отметить японскую программу «Генезис» (JENESYS), запущенную в 2007 г. и нацеленную на интенсификацию студенческих и молодёжных обменов. За период реализации программы её участниками стали порядка 37 тысяч человек из Японии и стран региона¹¹.

В целом следует отметить значительные успехи японской культурной дипломатии. Масштабные программы в этой сфере, делающие акцент на межазиатских связях и принадлежности Японии к региону, не только способствовали проникновению японского влияния во все сферы жизни Юго-Восточной Азии от промышленности и финансов до культуры, моды и туризма [Ven-Ari and Clammer 2000], но также стали одним из ключевых инструментов изменения восприятия Японии в регионе.

Ключевые направления активизации политики Японии в регионе на современном этапе

При всей комплексной положительной динамике диалогового партнёрства на современном этапе его особым направлением следует, однако, считать усилия Японии и АСЕАН по сближению их стратегий в отношении Индо-Тихоокеанского региона. Активное продвижение идеи ИТР в японской внешней политике связано со вторым сроком премьерства Абэ Синдзо (2012–2020 гг.), хотя эта конструкция фигурировала и в его более ранних выступлениях, в частности, в августе 2007 г. в индийском парламенте. Развивая японскую версию Индо-Тихоокеанского региона, Абэ был вынужден активизировать

---

¹¹ Overview of ASEAN-Japan Dialogue Relations. June 14, 2021. https://asean.org/wp-content/uploads/20210614_Overview-ASEAN-Japan-Relations-full-version.pdf (дата обращения: 25.08.2021).

японскую внешнюю политику и в отношении АСЕАН, роль которой изначально не была особо артикулирована в стратегии¹², что неизбежно приводило к вопросам о том, в какой степени Япония готова поддерживать идею центральности Ассоциации для регионального сотрудничества.

Впоследствии, однако, это упущение было скорректировано, в японской концепции ИТР отдельно была подчеркнута центральность АСЕАН, а упоминание Ассоциации стало включаться во все разъяснения японской стратегии ИТР, в особенности ориентированные на аудиторию в странах Юго-Восточной Азии¹³. В 2019 г., реагируя на экспоненциальный рост Индо-Тихоокеанских стратегий различных международных игроков, АСЕАН выступила с собственным документом, посвящённым ИТР¹⁴. Подход АСЕАН к ИТР носил более инклюзивный и ориентированный на социально-экономическое развитие характер и в гораздо меньшей степени концентрировался на проблемах региональных антагонизмов.

В ноябре 2020 г. по итогам 23-го саммита АСЕАН и Японии диалоговые партнёры приняли Совместное заявление о сотрудничестве в области реализации Видения Индо-Тихоокеанского региона АСЕАН¹⁵. В нём были выделены четыре области сопряжения японской концепции ИТР и Индо-Тихоокеанского подхода АСЕАН: сотрудничество на море, взаимодействие в вопросах усиления взаимосвязанности, в области достижения целей устойчивого развития ООН и в сфере экономики. Помимо четырёх общих областей были выделены и более конкретные направления приложения совместных усилий. К ним были отнесены поддержание безопасности на море, борьба с загрязнением мирового океана пластиковым мусором, сопряжение японской инициативы качественной инфраструктуры и Генерального плана АСЕАН по увеличению взаимосвязанности, поддержка со стороны Японии проекта сети умных городов АСЕАН, развитие цифровой экономики и борьба с последствиями пандемии коронавируса нового типа¹⁶.

В период пандемии COVID-19 Япония проявила себя как надёжный партнёр стран региона, взяв на себя обязательства направить 50 млн долл. на работу Центра АСЕАН по борьбе с угрозами в области здравоохранения и новыми заболеваниями, решение о создании которого было принято в ноябре 2020 г.¹⁷.

При сохранении общего многовекторного сотрудничества Японии и АСЕАН следует также выделить несколько опорных стран, отношения с которыми по ряду причин приобрели на современном этапе особое значение для неё. В первую очередь речь идёт о Вьетнаме.

Вьетнам – основной региональный «антагонист» Китая, перспективный участник расширенного формата четырёхстороннего диалога Австралии, США, Японии и Индии по безопасности (*Quad+*) и опорная страна в стратегии «Китай+1», подразумевающей постепенный перенос отдельных японских производств из Китая в третьи страны при

---

¹² Diplomatic Bluebook 2017. Ministry of Foreign Affairs, Japan. P. 26. <https://www.mofa.go.jp/files/000290287.pdf> (дата обращения: 25.08.2021).

¹³ A New Foreign Policy Strategy: “Free and Open Indo-Pacific Strategy”. <https://www.asean.emb-japan.go.jp/files/000352880.pdf> (дата обращения: 25.08.2021).

¹⁴ ASEAN Outlook on the Indo-Pacific. June 23, 2019. <https://asean2019.go.th/en/news/asean-outlook-on-the-indo-pacific/> (дата обращения: 25.08.2021).

¹⁵ Joint Statement of the 23rd ASEAN-Japan Summit on Cooperation on ASEAN Outlook on the Indo-Pacific. November 12, 2020. <https://www.mofa.go.jp/files/100114942.pdf> (дата обращения: 25.08.2021).

¹⁶ Ibid.

¹⁷ 23rd ASEAN-Japan Summit held online. November 13, 2020. https://www.asean2020.vn/xem-chi-tiet1/-/asset_publisher/ynfWm23dDfpd/content/23rd-asean-japan-summit-held-online (дата обращения: 25.08.2021).

субсидировании японского правительства. Реализация стратегии началась ещё до глобального распространения коронавируса нового типа, однако пандемия усилила намечавшийся с середины прошлого десятилетия тренд. К концу 2020 г. 37 из 81 японских фирм, получивших финансовую поддержку от японского государства, передислоцировали свои фабрики во Вьетнам, а ещё 19 – в Таиланд [Тео 2021, р. 6].

Отдельное внимание в японской Голубой книге за 2020 г., издании, обозначающем основные достижения и направления японской внешней политики, было уделено Индонезии – крупнейшей региональной стране и участнику клубных механизмов глобального управления¹⁸. Свои первые зарубежные визиты на посту премьер-министра Суга Ёсихидэ, сменивший в 2020 г. Абэ Синдзо, нанёс именно во Вьетнам и Индонезию.

Позиции Японии и АСЕАН оказались близки и по вопросу о ситуации в Мьянме. В конце 1990-х гг. страны Ассоциации, принимая Мьянму в свои ряды, руководствовались соображениями необходимости не допустить её полного сползания в орбиту Китая [Cribb 1998]. Той же логике следовала и Япония, иницируя различные экономические и инфраструктурные проекты в Мьянме, как, например, строительство промышленного кластера в Специальной экономической зоне Давэй [Парамонов 2021]. Именно по причине нежелания ограничить международное пространство для маневра Мьянмы после того как 1 февраля 2021 г. мьянманские военные отстранили от власти гражданское правительство Аун Сан Су Чжи, Япония, несмотря на призывы западных стран ввести санкции, заняла осторожную позицию в отношении нового руководства страны¹⁹.

Относительно новым направлением сотрудничества Японии со странами региона в последние несколько лет стала безвозмездная передача Японией военного оборудования и техники отдельным государствам Юго-Восточной Азии. Такая передача стала возможной благодаря поправкам в Закон «О Силах самообороны», вступившим в силу в июне 2017 г. Эти изменения, в частности, позволили Японии в период с 2016 по 2018 гг. осуществить передачу Филиппинам нескольких тренировочных самолётов и запчастей для вертолётов²⁰. Одновременно несколько филиппинских пилотов прошли обучение на военно-воздушной базе в Токусиме.

Однако при общем позитивном отношении к Японии в регионе её политика не лишена внутренних противоречий. Ряд исследователей отмечают, что она нацелена на формирование «гибридного регионального порядка»²¹ и подразумевает как поддержку широких макрорегиональных форматов типа АСЕАН-центричных институтов и ВРЭП, что позитивно воспринимается всеми странами АСЕАН, так и минилатеральных форм сотрудничества, среди которых можно отметить *Quad*, *Quad+*, различные ситуативные коалиции наподобие

---

¹⁸ Diplomatic Bluebook 2020. Ministry of Foreign Affairs, Japan. P. 59-60. <https://www.mofa.go.jp/files/100116875.pdf> (дата обращения: 25.08.2021).

¹⁹ Heijmans Ph., Tan K.W.K. Japan's Refusal to Sanction Myanmar Undermines Biden's Strategy. June, 20, 2021. <https://www.bloomberg.com/news/articles/2021-06-19/japan-s-refusal-to-sanction-myanmar-over-abuses-undermines-biden-s-strategy> (дата обращения: 25.08.2021).

²⁰ East Asia Strategic Review 2019. http://www.nids.mod.go.jp/english/publication/east-asian/pdf/2019/east-asian_e2019_04.pdf (дата обращения: 25.08.2021).

²¹ Pajon C. Japan's Indo-Pacific Strategy: Shaping a Hybrid Regional Order. December 18, 2019. <https://warontherocks.com/2019/12/japans-indo-pacific-strategy-shaping-a-hybrid-regional-order/> (дата обращения: 25.08.2021).

договоренностей с Китаем о реализации совместных инициатив в отдельных странах ЮВА под маркой японского вклада в реализацию проектов инициативы «Пояс и путь»²².

Если в 1990-х гг. Японию иногда характеризовали как страну, неохотно стремившуюся к лидерской роли [Stubbs 1991], то в 2020-х гг. она была награждена эпитетом «безмолвного» лидера [Teo 2021]. Причины такой характеристики кроются в том, что в период президентства Дональда Трампа именно Япония играла роль политически более зрелого партнёра в американо-японском альянсе, последовательного в своих действиях и ответственного игрока в Юго-Восточной Азии. Однако с приходом в Белый дом президента Джо Байдена, выразившего намерение продемонстрировать Юго-Восточной Азии более проактивный подход (только за период июля и августа 2021 г. регион успели посетить американский министр обороны Ллойд Остин и вице-президент Камала Харрис), всё больше аналитиков [Teo 2021; Koga 2021] стали высказывать опасения того, что Япония снова рискует оказаться на вторых ролях.

Заключение

Представленный анализ позволяет сделать вывод о том, что за десятилетия, прошедшие со времен окончания Второй мировой войны, Япония смогла кардинально трансформировать свою роль в Юго-Восточной Азии и одновременно добиться впечатляющих изменений в восприятии её образа странами региона.

При этом за прошедший период положение Японии в регионе также претерпевало изменения в связи с геополитическими и геоэкономическими сдвигами и потрясениями. Экономическая стагнация рубежа 1980–1990-х гг., Азиатский финансовый кризис и быстрый подъём Китая не позволили Японии занять позиции безусловного макрорегионального экономического лидера, однако её технологическое лидерство в 1980-е – 1990-е гг., ведущие позиции в системе региональной экономической взаимозависимости, впечатляющие успехи культурной дипломатии, накопленный багаж формальных и неформальных связей со странами Юго-Восточной Азии надолго предопределили особую политэкономическую роль Японии в регионе. Более того, Китай стал укреплять свои позиции в регионе с опорой на инициативу «Пояс и путь» тогда, когда многие страны Юго-Восточной Азии уже приобрели опыт экономического роста на основе выноса японских производств и использования японских технологий. Этот факт позволяет предположить, что Китаю будет не столь просто безусловно вовлечь страны региона в свою орбиту, а Япония продолжит оставаться одной из наиболее предпочтительных «третьих сил». Возможно, именно тот факт, что Япония в течение всего послевоенного времени ни разу не имела возможности проецировать своё неограниченное влияние и была вынуждена договариваться со странами региона и другими ведущими державами, и сделал её настолько привлекательной в глазах элит стран Юго-Восточной Азии.

Если в 1990-е гг. ведущая роль Японии в регионе определялась её технологическим лидерством, к настоящему времени начали появляться новые элементы взаимодействия Японии с Юго-Восточной Азией, подразумевающие движение к ограниченному военно-

---

²² Japan opens the way to cooperation on China's Belt and Road Initiative. East Asia Forum. July 10, 2017. <https://www.eastasiaforum.org/2017/07/10/japan-opens-the-way-to-cooperation-on-chinas-belt-and-road-initiative/> (дата обращения: 25.08.2021).

техническому сотрудничеству. Доктрина Фукуда напрямую не затрагивала вопросов региональной безопасности, однако теперь Япония пытается занять определенные позиции в регионе в том числе и в этой сфере.

В отличие от середины прошлого века необходимость включения Японии в качестве структурообразующей силы в трансформирующийся региональный порядок едва ли вызывает вопросы у какой-либо из стран АСЕАН. В то же время очевидно и противоречие, которое по-прежнему присутствует в её политике. С одной стороны, Юго-Восточная Азия представляет собой область естественного приложения внешнеполитических усилий Японии, с другой стороны, зависимость Японии от США сохраняется, она отчасти остаётся проводником американских интересов и инициатив в регионе. Подобная ситуация приводит к тому, что Япония рассматривается как страна, которая по-прежнему не может безусловно артикулировать свои лидерские амбиции и реализовывать их в отрыве от США, а значит – и от колебаний их внешнеполитических решений при смене администраций.

Тем не менее опыт Японии демонстрирует, что последовательная и комплексная внешняя политика способна коренным образом изменить образ страны даже после самых тяжёлых потрясений или временных отступлений, о чём, несомненно, стоит помнить России в её отношениях с Юго-Восточной Азией.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Мещераков А.Н. Страна Япония: быть японцем. Москва: Лингвистика; Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение. 2020.

Мищенко Я.В. Экономические связи Японии с государствами Юго-Восточной Азии в XXI в. // Ежегодник Япония. 2019. Т. 48. С. 132–154.

Панов А.Н., Саркисов К.О., Стрельцов Д.В. История внешней политики Японии 1868–2018 гг. Москва: Международные отношения. 2019.

Парамонов О. Земля девяти слонов – Мьянма до и после переворота // Международная жизнь. 25.02.2021. <https://interaffairs.ru/news/show/29206> (дата обращения: 25.08.2021).

Стрельцов Д.В. Внешнеполитические приоритеты Японии в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Москва: Наука – Восточная Литература. 2015.

Стрельцов Д.В. Память о войне как самостоятельный фактор в отношениях Японии со странами-соседями: к 75-летней годовщине капитуляции Японии // Японские исследования. 2020. № 4. С. 78–97.

Суслина С.С. Новое интеграционное трио в мировой экономике. Российский совет по международным делам. 07.06.2012. <https://russiancouncil.ru/analytcs-and-comments/analytcs/novoe-integratsionnoe-trio-v-mirovoy-ekonomike/> (дата обращения: 25.08.2021).

REFERENCES

Meshcheriakov, A. (2020). *Strana Yaponiya: byt' yapontsem* [The Country of Japan: to be a Japanese]. Moscow: Lingvistika; Saint-Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie. (In Russian).

Mishhenko, Ya. (2019). *Ekonomicheskie svyazi Yaponii s gosudarstvami Yugo-Vostochnoi Azii v XXI v.* [Economic ties between Japan and South-East Asia in the 21st century]. *Yearbook Japan*, 48, 132–154. (In Russian).

Panov, A., Sarkisov, K., Streltsov, D. (2019). *Istoriya vneshnei politiki Yaponii 1868–2018 gg.* [History of the Foreign Policy of Japan in 1868–2018]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. (In Russian).

Paramonov, O. (2021). *Zemlya devyati slonov – M'yanma do i posle perevorota* [The Land of the Eight Elephants – Myanmar before and after the coup]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*. Retrieved August 25, 2021, from <https://interaffairs.ru/news/show/29206> (In Russian).

Streltsov, D. (2015). *Vneshnepoliticheskie priority Yaponii v Aziatsko-Tikhookeanskom regione* [Foreign Policy Priorities of Japan in the Asia-Pacific Region]. Moscow: Nauka – Vostochnaja Literatura. (In Russian).

Streltsov, D. (2020). *Pamyat' o voine kak samostoyatel'nyi faktor v otnosheniyakh Yaponii so stranami-sosed'yami: k 75-letnei godovshchine kapitulyatsii Yaponii* [War memory as an independent factor in Japan's relations with neighbors: on the 75th anniversary of Japan's surrender]. *Japanese Studies in Russia*, 4, 78–97. (In Russian).

Suslina, S. (2012). *Novoe integratsionnoe trio v mirovoi ekonomike* [New Intergrational Trio in the World Economy]. *Rossiiskii sovet po mezhdunarodnym delam*. Retrieved August 25, 2021, from <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/novoe-integratsionnoe-trio-v-mirovoy-ekonomike/> (In Russian).

* * *

Acharya, A. (2001). *Constructing a Security Community in Southeast Asia: ASEAN and the problem of regional order*. London: Routledge.

Acharya, A. (2012). *The Making of Southeast Asia: international relations of a region*. Singapore: ISEAS.

Ben-Ari, E., Clummer J. (2000). *Japan in Singapore: Cultural Occurrences and Cultural Flows*. Abington: Routledge.

Booth, A. (2007). *Colonial Legacies: Economic and Social Development in East and Southeast Asia*. Honolulu: University of Hawai'i Press, 2007.

Cribb, R. (1998). *Burma's Entry into ASEAN: Background and Implications*. *Asian Perspective*. 22 (3), 49–62.

Hatch, W. (2010). *Asia's Flying Geese: how regionalization shapes Japan*. Ithaca and London: Cornell University Press.

Hiratsuka, D. (Ed.). (2006). *East Asia's De Facto Economic Integration*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.

Katzenstein P., Rouse M. (1993). *Japan as a Regional Power in Asia*. In Jeffrey Frankel and Miles Kahler (Eds.), *Regionalism and Rivalry: Japan and the United States in the Pacific Asia*. Chicago: The University of Chicago Press.

Koga K. (2021). *Japan-Southeast Asia Relations: A Diplomatic “New Normal” in the Indo-Pacific Region? Comparative Connections. A Triannual E-Journal on East Asian Bilateral Relations*. 23 (1), 151–160.

Lam, P.E. (Ed.) (2013). *Japan's Relations with Southeast Asia: The Fukuda Doctrine and Beyond*. London: Routledge.

Lang, H. (2020). *Competing Visions of Japan's Relations with Southeast Asia, 1938–1960. Identity, Asianism and the Search for a Regional Role*. Munich: Nomos Verlag.

Lebra-Chapman J. (2010). *Japanese-trained Armies in Southeast Asia*. Singapore: ISEAS.

Lim, T.W. (2017). ASEAN-Japan Relations since 1977. In Tommy Koh, Sharon Seah Li-Lian and Chang Li Lin (Eds.), *50 Years of ASEAN and Singapore*. Singapore: World Scientific.

Rathus, J. (2011). *Japan, China and Networked Regionalism in East Asia*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.

Seah, S. et al. (2021). *The State of Southeast Asia: 2021*. Singapore: ISEAS-Yusof Ishak Institute.

Shiraishi, M. (2009). Japan Toward the Indochina Sub-Region. *Journal of Asia-Pacific Studies* (Waseda University), 13, 13–36.

Stubbs, R. (1991). Reluctant leader, expectant followers. *International Journal*, 46(4), 649–667.

Sudo, S. (1992). *The Fukuda doctrine and ASEAN: new dimensions in Japanese foreign policy*. Singapore: ISEAS.

Takeda, Y. (1998). Japan's Role in the Cambodian Peace Process: Diplomacy, Manpower, and Finance. *Asian Survey*, 38(6), 553–568.

Tang, S. M. et al. (2019). *The State of Southeast Asia: 2019*. Singapore: ISEAS-Yusof Ishak Institute.

Tang, S. M. et al. (2020). *The State of Southeast Asia: 2020*. Singapore: ISEAS-Yusof Ishak Institute.

Teo, V. (2021). Southeast Asia-Japan Ties after Abe and Trump. *ISEAS Perspective*, 32. Retrieved August 25, 2021, from <https://www.iseas.edu.sg/articles-commentaries/iseas-perspective/2021-32-southeast-asia-japan-ties-after-abe-and-trump-by-victor-teo/>

Won, Z.Y. Military Expediency: A Determining Factor in the Japanese Policy regarding Burmese Independence. *Journal of Southeast Asian Studies*. 1978 (Sep.). Vol. 9, No. 2, 248–267.